

Бурлаков Геннадий
Трилогия
«Материализация легенды»

Том 3

Гвардия
Принцессы

Серия романов
"Архипелаг Монте Кристи"

Геннадий Бурлаков

**Гвардия принцессы. Трилогия
«Материализация легенды». Том 3**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Бурлаков Г. А.

Гвардия принцессы. Трилогия «Материализация легенды». Том 3 /
Г. А. Бурлаков — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Как можно представить себе возникшего из ниоткуда нового графа Монте-Кристо? А почему именно графа, а не графини? Или принцессы? Главное не титул, а наличие средств и возможностей, ненависти и любви, стремлений и тормозов. Ну, и сказки, - само собой, - светлой Сказки! Содержит нецензурную брань.

Содержание

Обращение к читателю:	5
Дневник. Год пятый. День первый.	6
Юля. Чат -029. Новый контакт.	7
Олег. Под землей. 001.	9
Олег. Компьютеры. 002. Разговор с призраком.	11
Олег. Клиника. 021. Расширение.	15
Отряд. Личное дело. Александр. 001.	18
Олег. Пустыня. 001.	21
Саша. Корабль. 001.	25
Враги-018. Красная ртуть .	27
Олег. Музыка. 001.	29
Враги-016. Гадалка.	32
Олег + Саша. 001. Старый мир.	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Обращение к читателю:

В произведении описаны события, имевшие место в реальности: в настоящем и прошлом. Фотографирование и видеосъемка на описанном объекте и вокруг него категорически запрещены законом под страхом смертной казни, потому исключительно чтобы разнообразить скучный текст использованы иллюстрации, взятые совершенно из других мест, лишь отдаленно похожие на описываемые события: фото, карты, имена, лица.

Все совпадения: в описаниях, фото, названиях и именах собственных – с любыми, о которых Вам известно, – случайны и непреднамеренны, т.к. открывать и распространять истинную информацию о любых объектах, механизмах, людях и пр., описанных в данном литературном произведении, запрещено законом. Заранее приношу извинения за возможные совпадения. Предупреждаю сразу – при любом совпадении: Вы ошиблись!

В настоящее время готова трилогия «Материализация легенды» из серии романов «Архипелаг Монте Кристи»:

Островитянка.

Отряд.

Гвардия Принцессы.

Лично я не теряю надежды на продолжение серии романов «Архипелаг Монте Кристи».

Дневник. Год пятый. День первый.

Господи! Я ХОЧУ НА ВОЛЮ!

... Вроде бы глаза открыты, но смотреть ни на что вокруг не хочу!
НАДОЕЛО ВСЁ!
ХОЧУ НА ВОЛЮ!
БОЛЬШЕ НИЧЕГО НЕ ХОЧУ!

А что ты, собственно говоря, ждала? Что появится на экране несколько строк от незнакомого человека, и «оковы тяжкие падут, темница рухнет, и свобода нас встретит радостно у входа»? Так что ли? И я тогда пойду по настоящему городу гулять? А ты сама-то, по какому городу предпочитаешь перемещаться, красавица: Берлин, Париж, Киев, Москва, Лондон, Монте-Карло? Или в какой-нибудь районной слободке прогуляешься для конспирации?

Хотя вон, живет же Юля в Юнайске... И тоже чувствует себя как в тюрьме, – в своем институте, своей коробке-квартире... И ста тысяч населения там, скорее всего, нет, – но живут же люди! И по 30 тысяч есть города, и села по 200 человек. Да не по 200 тысяч, а всего 200 – ДВЕСТИ! И живут!... Даже фейерверки устраивают на Новый год и день рождения!... Даже собственную Управу имеют!... Конечно, их дорожное покрытие не сравнить с дорожным покрытием в Европе, – там процент асфальта в грязи больше... Точнее, там есть грязь в асфальте или на асфальте, а в Дальнеграде Козалуповского района есть асфальт в грязи или, возможно есть асфальт под грязью, – но не факт. Если половодьем весенним или осенью поливальной машиной не смыло этот асфальт с непривычки, – напрочь.

Ждала, сама с собой заменишь в колонтитуле дневника обращение к Богу, и всё сразу же сбудется? Ты же умная, хоть и маленькая девочка. «Оковы тяжкие падут, темницы рухнут, – и свобода нас встретит радостно у входа...»? Так что ли? Кто даст свободу герою игрушки «Марио», если никто даже не рассчитывал, что он выйдет в реальный мир, будет дышать, ходить по улицам, покупать мороженое... Он создан только для той игрушки, в которой он живет и прыгает за различными призами, воюет с милыми животными и не очень-то страшными боссами, собирает призы... Вот и ты будешь сидеть здесь, и никакие призы или супер-боссы не дадут тебе возможность выйти на проспект Маяковского или на Уолл-Стрит. И не помогут в этом ни супермечи, ни супердоспехи или сверхброня. Здесь не будет и новых уровней, даже если я найду новые потайные ходы в Городе, или если я подниму в воздух или космос свой... Так! Заболталась, глупая...

Мама говорила, что все мы живем кто в прошлом, кто в лабиринте мыслей, кто в другом человеке, кто в себе самом... Я долго не могла понять эту ее длинную фразу... Получается, что сама мама осталась в другом человеке, – в своем муже, в моем погибшем отце. Долго была в самой себе, пока не выздоровела. Я остаюсь в лабиринте мыслей, в себе. Обе мы из прошлого, – для кого-то, кто нас может знать или узнать...

Сегодня первый день пятого моего дневника. Начнем?...

Юля. Чат -029. Новый контакт.

Ю.Ш.: – Привет. Давно не писала мне. Как твои дела? Тюремщик разрешил поговорить со мной?

УА: – Спасибо, нормально. У меня всё по прежнему, – теперь мне и Тюремщика не хватает. Когда он уехал, то стало еще хуже на острове.

Ю.Ш.: – Как твое здоровье? Как мама? Дельфины приплывают?

УА: – Да, нормально. Мама здорова, я тоже. Мне просто очень одиноко здесь. И грустно. Дельфины не помогают...

Ю.Ш.: – Ну, помочь ничем не смогу, к тому же ты так редко бываешь на связи...

УА: – Да, вот, блокировку трудно преодолеть, да и слово дала. Я однажды почти дошла до спутника, но не успела пройти дальше. Опередел меня и новые трудности добавил.

Ю.Ш.: – Он выходит с тобой на связь?

УА: – Нет. Мне кажется, что он только следит за всем на Острове, но в разговор не вступает. А ты его видишь?

Ю.Ш.: – Нет, я теперь живу в другом городе. Вышла замуж, родила сына.

УА: – Как много я пропустила за эти годы!... Поздравляю. Желаю вам всем здоровья и взаимопонимания. Как твоя мама? Здорова? Маме привет!

Ю.Ш.: – Да, это надо любой семье, – взаимопонимание... Мама здорова. Всё нормально. Привет обязательно передам, спасибо. А чем ты теперь занимаешься? На биржу ходишь?

УА: – Да, хожу, но реже стала. Мне стало там скучно. Знаешь, я читала где-то, что ребенок, если наигрался с игрушкой, то теряет к ней интерес. Вот и я так, как тот ребенок.

Ю.Ш.: – А были достижения?

УА: – Были, были... тут шороху наделала, – а потом, как освоилась там, мне стало скучно.

Ю.Ш.: – Но чем-то же ты занимаешься?

УА: – Стала больше проводить времени в спортзале. Знаешь, мне мама сказала, что если я хочу много и интенсивно бегать по своим делам на воле, то мне понадобится много сил и ловкости. Теперь я по несколько часов в день провожу за занятиями физкультурой.

Ю.Ш.: – Есть, где заниматься?

УА: – Есть, конечно. Вот только одной грустно и скучно.

Ю.Ш.: – А ты музыку включай.

УА: – Я пробовала, но хватает ненадолго. Всякие агрессивные музоны, типа рэп или рок, – которые рекомендуют для таких занятий, – меня не вдохновляют, а только раздражают. Под спокойную музыку тоже не позанимаешься. Но я нашла выход.

Ю.Ш.: – Какой?

УА: – Я стала слушать аудиокниги. Знаешь, они отвлекают от реальности, ты «включаешься» в сюжет, – и остается только следить за временем, чтобы не забывать переходить от одного снаряда к другому.

Ю.Ш.: – Получается?

УА: – Ага! И глаза не напрягаются. Я теперь книги слушаю и на пляже, и за едой. Мама смеется, что я стала книгоманом. Но мне же интересно!...

Ю.Ш.: – А что сейчас читаешь?

УА: – Граф Монте-Кристо

Ю.Ш.: – Александра Дюма?

УА: – Да.

Ю.Ш.: – Интересно?

УА: – Да, прямо как сказка. Я несколько раз ее перечитала. Прямо как обо мне. Представляю себя со шпагой и пистолетом на тропе мести, – хотя понимаю, что теперь никто шпагой и пистолетом для этого не пользуется.

Ю.Ш.: – Э-э-этто точно! Теперь только снайперами да взрывчаткой мстят.

УА: – А как сына назвала?

Ю.Ш.: – Тимофей. Он такой потешный.

УА: – Его фото есть в интернете?

Ю.Ш.: – Да, есть. Только сайт «ВКонтакте» стал не всем доступный, потому я перешла в «Инстаграм». Там нас и найдешь.

УА: – Ладно. Маме не забудешь передать привет?

Ю.Ш.: – Конечно не забуду. И ты не забудь.

УА: – Пока. До связи.

Олег. Под землей. 001.

... Вроде бы глаза открыты, но ничего не видно. Может быть, зрение надо перенастроить?

Порода просто не раздвигалась передо мной, – и потому ей не надо было сдвигаться за мной. Мое продвижение не оставляло никаких туннелей, нор, проходов. Как если бы я двигался в толще воды... Ведь в воде за мной не остается прохода, – вот и сейчас за мной не было пустоты за спиной... Так было бы, если бы на время движения я становился бы частью этой породы. Частью горы, частью почвы, частью скалы...

Так, возможно, очень интересно было бы двигаться геологам, петрологам, тектонологам, геоморфологам, палеонтологам, вулканологам... Да мало ли каким еще специалистам, изучающим строение земной коры, земных недр, земных слоев и т.п.

Удивляет не только то, что я прохожу через земную твердь, но и то, что она для меня относительно прозрачна: я вижу на некотором расстоянии во все стороны, вглубь пород, которые вокруг меня. Я вижу, как впереди меня есть небольшая трещина, – не широкая, не проблемная. Она – как бы трещина на срезе в пересохшем батоне хлеба, забытом на лето на столе в кухне на даче. Батон остается целым, им можно гвозди забивать, – но вот трещина, расположенная косо в центре среза, – не глубокая, не ветвистая, – говорит, что он уже не монолит.

... Или вижу прожилки – вкрапления – каких-то добавок к основной породе, – такие часто показывают кинематографисты в фильмах о золотоискателях: прожилки золота в горных породах, в штреках, в тоннелях. Но старатели не могут видеть, на сколько глубоко эти «жилы» проникают в основную породу, куда они «направляются», ветвятся... В любом случае, возникает впечатление, что эти прожилки, – результат «пропитывания» твердых пород по трещинам более мягкими или на тот момент жидкими субстанциями, которые потом затвердели. А я, вот, – вижу. Вижу, как на хорошем рентгене, как на ультразвуковом исследовании, как эти «жилы» уходят вглубь, ветвятся, переплетаются...

А еще я вижу полости. Немного неприятно через них проходить, – как будто... Даже не знаю, с чем сравнить. Как будто самолет проваливается в «воздушную яму», в пространства с меньшей плотностью среды, наверно. Но сами полости я вижу издали, – в отличие от самолета, – и о предполагаемом попадании в эти полости предупрежден. И интересно разглядывать эти полости изнутри. Как и в породах, в полости я вижу не только шершавые или гладкие поверхности, но и цвета этих поверхностей, – со всеми переливами, игрой красок, – и даже конденсатами, если они есть.

Я продвигаюсь медленно, – всё же, это не воздушная или водная среда, – это ТВЕРДЬ. Это не оставляет сознание того, что я двигаюсь в непривычно твердой среде. Хотя она для меня такая же нетвердая, проницаемая и проходимая, как водная или воздушная среда.

Я попробовал приблизиться к поверхности острова «изнутри». Это просто восхитительное зрелище. Сначала появляются самые глубоко расположенные корни деревьев, потом их же отростки на меньшей глубине, потом все больше и больше корней начинают окружать меня со всех сторон. Часть из них как бы «обтекают» более твердые породы, часть пытаются проникнуть внутрь этих твердых пород. В какой-то момент появляются червячки, окуклившиеся личинки и глубоко забравшиеся жуки. Появляются ходы муравьев, кротов, червей, более поверхностные ходы других насекомых... Однажды я наткнулся на небольшую полость, – как пещеру, – которая содержала некоторое количество яиц и несколько маленьких уже вылупившихся детенышей-змеенышей. При прохождении сквозь корни деревьев видны иногда полости внутри них, движение соков...

Насмотревшись вдоволь на эти прелести подземного – точнее внутри земного, – мира, я стал приближаться к тому, что окружает человеческие строения Острова. Тоже интересные наблюдения.

Для укрепления стен, полов, потолков, по всей видимости, использовались изначально термические обработки разной интенсивности. Фактически, все наружные стены, – назовем это оболочками, – всех полостей, в которых потом стали создаваться различные жилые, производственные и вспомогательные помещения, были выплавлены. Те породы, которые было возможно выплавить, расплавились и стали монолитом. Те породы, которые не могли выдержать подобные температуры, просто сгорали или испарялись и удалялись.

Помню, читая старые журналы, еще в советские времена в научно-популярных изданиях рассказывалось, что с помощью ядерного взрыва глубоко под землей можно выплавить полости, в которых потом без риска утечки можно будет хранить газы и жидкости под большим давлением, если аккуратно запечатать их сверху. Вот что-то подобное я и вижу сейчас. Весомая разница в том, что это было выжжено целенаправленно какими-то специальными инструментами или лучами, которые можно было направлять в разные стороны по мере необходимости. Типа растянутый во времени по мощности ядерный взрыв, – а результат тот же самый.

Проблема тех, описанных в старых советских научно-популярных журналах, полостей была в том, что температура и радиоактивность этих полостей до их заполнения были или должны были быть длительными, и потому использование таких резервуаров было возможно спустя определенно или неопределенно длительное время. А здесь последующие работы велись сразу после прохождения пород, сразу после того, как были выплавлены эти проходы.

Как островные, так и глубинные строения по всем периметрам были укреплены очень глубокими горизонтальными сваями во избежание смещения всей конструкции по любой причине, – и связанного со смещением разрушением.

Но сама конструкция подземного Города представляла собой грушу, перевернутую узкой своей частью вверх. Собственно, сам Архипелаг, – только древесный «хвостик» это «груши». Эта узкая часть, как вершина айсберга, была в недрах самого острова, а значительно более широкая – внутри главных и глубинных пород глубоко под дном океана. НАСТОЯЩИЙ АЙС-БЕРГ, только не изо льда! Связь с поверхностью была не только через узкую часть – «хвостик» – «груши», но всё равно это было как-бы вспомогательной частью. Или началом всего строительства Города.

Мне трудно представить себе, какие огромные энергетические затраты были только при выплавке этих полостей. Я уже не говорю о последующих подземных работах. Да и в настоящее время, как я видел, само освещение, вентиляция, роботизация, обслуживание и пр. – и это в полностью пустом, безлюдном городе, – очень затратные по энергетике. Источники энергии должны быть просто таких неземных масштабов, – по моим понятиям, – что мне это даже невозможно себе представить.

Или безраздельное владение энергией самой материи.

В подводных стенах острова были вплавлены целые кварталы прозрачного материала, который давал бы возможность своим жителям любоваться подводными пейзажами. Или это были расплавлены – и в последующем отшлифованы – какие-то прозрачные породы самого острова. Есть же такие породы вулканической лавы по всему миру, – из таких кусочков с остекленевшей породой делались нашими предками первые бусы.

Мне всё больше и больше было любопытно, как же всё это делалось. С каждым прикосновением к этому Городу, с каждой рассмотренной «мелочью», мне хотелось узнать об этом месте, об этом народе, об этих технологиях как можно больше.

И становилось понятно, что все эти технологии на сотни, если не на тысячи лет опередили известную нам земную науку и технику...

Олег. Компьютеры. 002. Разговор с призраком.

Сон, явь, мираж, бред? А хрен его знает! Я открыл глаза, оглянулся и снова закрыл глаза. Я шел сегодня сюда не бесцельно... Земля, всё-таки, ВЕРТИТСЯ!...

Но сегодня я шел сюда не за этим.

Вчера на экране смартфона Сестры в чате ее игры появилась новая исчезающая надпись: «For Oleg. Domain Controller server Ya 10-00 – 12-00». Сестра смотрела на меня большими удивленными глазами. Дело в том, что сообщение пришло в скрытом приватном чате игрушки, в которой они вдвоем часто зависали. Сначала она подумала, что это я ее разыгрываю, потом, увидев мое волнение, сама стала волноваться.

Если бы не мое имя, никто бы не обратил на эту табличку внимание. В чатах игр часто появляются непонятные слова на языках разработчика, потом они исчезают. Все принимают это за операторские или машинные сигналы, никто на них внимания не обращает.

Я задумался. Время указано стандартно, когда я обычно там и могу оказаться. Если считаны следы моих посещений, то тогда понятно. По логам там я не отслеживал свои следы, – не считал нужным это делать. Но кто это мог сделать?

Не думаю, что Кристина меня вызывает таким образом. Тем более что у нее нет прямого выхода на Всемирную Паутину. Блокировки работают, и как их отключить, – я и она не знаем. Я прошел по обратной адресации вызова, но в незнакомой игрушке это сделать сложно. К тому же, «Луковица», похоже, тоже была несколько раз задействована в одну линейку. КТО-ТО ШИФРУЕТСЯ! Причем, кто-то из старой гвардии, – новые так теперь редко делают.

Если меня вычисляет «контора», если до них дошла информация, чем и где я теперь занимаюсь, то они так грубо и далеко зайти не могли. Концов у них, чтобы зайти в «Domain Controller server Ya» просто нет.

Если начинает вычислять «Тень», то это опаснее, но я никого не видел вошедших туда вслед за мной. Дублиеры, если даже они сильно продвинулись в работе, то так далеко не должны были пройти следом. В любом случае, код разговора с Кристиной, который мы приняли, не позволял меня там идентифицировать. Да и ее тоже.

Могу представить себе какого-то случайного хакера, вошедшего на центральный сервер Клиники или даже минуя Клинику на сервера Острова, – ну и что он там увидит, что поймет? В Клинике, – надо ему этот частный пользователь? А на Острове, – он там вообще не должен ничего увидеть, – не те пироги!

Остается только один путь: БРАСЛЕТ! Не важно, кто его хозяин, – ВАА это или не он, – но кто-то ОЧЕНЬ влиятельный для этой сети. Если его пропустили сетевые фильтры на спутнике, на серверах входа, на серверах фильтрации и шифровки, – и при этом не задействованы компьютеры с известными операционными системами, – то это прямой доступ!

Ну, да, посмотрим... Как я понимаю, меня вызывают на центральный сервер Ya Yga, – уж такой персонаж мне известен только один, – с 10-00 до 12-00. Прямо-таки свидание назначают.

Подумаю. Есть ли возможность у такого сильного админа запереть меня в закоулках электронных лабиринтов, или даже в своей тюрьме. Я таких возможностей не знаю. Может быть, я просто не знаю его собственных возможностей. Но у меня есть вариант выхода. Я зайду туда, как в ресторан со стороны кухни, – не по сети, а, например, по коридорам или по земной коре. Могу проникнуть и по воде, но всё равно потом придется идти по коридорам хоть какое-то время. Потому нет резона. Хотя несколько переходов типа «воздух-вода-земля-коридоры-компьютеры» дадут мне тоже возможность хоть как-то запутать следы для любых наблюдателей.

А для «Тени» у меня есть множество вариантов ложных маршрутов, которые я могу указать в своих отчетах за проведенное время в капсуле.

Ну, прямо, как в какой-то игре: самый сильный артефакт в руках противника – «браслет»! И руны, появляющиеся на моих орудиях.

Я впервые за всю свою историю путешествий по Острову услышал такой звук. Он проистекал со всех сторон, в том числе и из меня самого. Он пронизывал всё окружающее пространство, всего меня. Казалось, что не осталось никаких уголков тела, духа и сознания, в которые этот звук бы не проник. Я был просто пропитан, нашпигован этим звуком. Но никто не собирався, похоже, меня травмировать. Просто были, возможно, подобраны частоты, отвечающие резонансом в тех структурах, которые находились на Острове. Видимо, чтобы нам не вести длительную переписку в виде чата, Хозяин этой сети просто привел в действие имеющиеся в его распоряжении знания и возможности. Я СТАЛ СЛЫШАТЬ ЧАТ! И сам могу, как оказалось, отвечать словами, мысленно.

– Привет. Представься, пожалуйста.

– Привет. А кто ты?

– Если я скажу, что мое имя представляет ВАА, – ты сможешь внятно расшифровать аббревиатуру полностью?

– Да, могу: Волков Анатолий Андреевич. Я правильно назвал? Похоже, что мне представляться не надо?

– Нет, не надо. Что ты делаешь в моем компьютере?

– Начнем с того, что твой компьютер находится очень далеко от этого места, как и мы оба, и разговариваем мы только присущими для нас путями и техническими возможностями.

– Много и сложно говоришь. Так я тебя себе и представлял. Что надо «Тени» от этого места?

– «Тень» ищет здесь свои интересы, а я свои.

– Какие интересы ищет «Тень», я хорошо себе представляю. А что надо тебе?

– А давай присядем, типа, и поговорим спокойно.

– А ты сможешь здесь присесть? – раздался смех или подобие смеха, генерированного машинными импульсами. – Я-то сажу, и очень удобно, а вот ты...

– Да какая разница, в каком положении находится сейчас мое сознание, – нас не это ведь волнует.

– А что тебя волнует?

– Wolf, понимаешь, ты тоже долго уже не сможешь сдерживать агрессию «Тени», раз они так плотно за это дело взялись. Их можно только увести в сторону, пока они не вычислили координаты и возможные пути проникновения.

– Говори, я слушаю.

– Я создал группу, которая может в любое время уйти «в тень», – ну, т.е. в подполье. Эта группа должна будет типа «погибнуть» в своем мире, и тогда может начать работать на сдерживание «Тени». Кстати, и любых противодействий корпорации тоже.

– Какую ты преследуешь цель для себя во всем этом?

– Да никакую. Я по натуре путешественник, адреналиновый наркоман, экстремал, отшельник, и аферист, – в равных или неравных долях. Потому само противодействие такой серьезной организации, как «Тень» или «контора» мне уже сказочно интересны.

– О твоих приключениях в «конторе» я уже осведомлен. Там противодействие было понятно. А что здесь?

– В настоящее время за результатами исследований нашей группы охотятся все разведки мира. За полученную в результате исследований информацию начнут драться даже самые ленивые. Развернется небывалое побоище, если уже сейчас не спрятать все концы далеко и глубоко.

– Я и сейчас, – прямо сейчас, – могу взорвать к чертовой матери Клинику со всеми ее лабораториями, – и от ваших исследований не останется ничего, кроме отрывочных бессистемных воспоминаний.

– Этого мало. Сама идея уже для многих витает в воздухе. Если не эти, – то другие исследователи придут к этой идее или наткнутся на похожие результаты, – и пойдут по этому пути. Но если группа Клиники в большей степени контролируема, то эти будут неизвестны и неконтролируемы. Потому я предлагаю допустить до частичной информации по методикам обследования мою группу, – и контролировать ее сверху донизу. И негласно направлять дублеров в нужное нам направление.

– Приведи хотя бы один пример.

– Да, пожалуйста. В настоящее время карта этого архипелага всплыла из анналов истории, потому надо ее туда же назад и отправить. Например, нарисовать большую и завоевавшую популярность игру, и пусть эту карту «создаст» или срисует кто-то из ее создателей. Тогда странное стечение обстоятельств, что облик острова всплыл – спустя десятилетия после его уничтожения – будут связывать не с нами, и не со мной, а с этими писателями игры. Как вариант...

– Интересно, интересно... Т.е. этот шаг даст время, чтобы они прошли хотя бы раз по ложному пути, и от нас будет зависеть, сколько времени они там будут ходить.

– Да. Есть же игры типа старых «Doom» или «Wolf», в которых расписаны, – и очень красочно, – и более не вызывают вопросов, – острова, базы, миры, планеты. Вот пусть информация об острове и утонет в одной или нескольких таких играх. Пока никто не знает, как этот мир выглядит на самом деле изнутри, – потому пусть он предстанет в обычном или карикатурном виде перед миллионами игроков по всему миру. И тогда любые попытки с трудными инквизиторскими вопросами «кто-что-где-когда» будут бессмысленны изначально, – нужные нам ответы будут знать все. Ответы изначально будут связаны с игрой. Тогда любые совпадения в описаниях в прошлом, настоящем и будущем можно трактовать, как попадание или внутрь компьютерной игры, или в головы ее создателей, – даже задолго до собственно создания игры.

– Чем будет занята сама группа?

– Всем. Развитием нас в этой и других методиках, и сдерживанием в таком развитии наших противников. Отражением таких проникновений и атак, атаками на их лаборатории, маскировка наших атак. Атаками на мировой капитал и сложившийся порядок. Другие задачи мы оговорим, цели поставим... Не забывай, что еще маленькая Yga рвется наружу, – а без присмотра ее уже нельзя оставлять, она уже не дошкольница... А я приведу для нее хорошую охрану.

– Да, это два самых больных моих вопросов. Вы реально думаете, что сможете оградить Ya Yga от опасности и сможете предотвратить атаки на Остров?

– Работу осилит идущий, и я иду в этом направлении.

– Что тебе надо для осуществления сказанного?

– Да только впусти в лагуну сухогруз, и помоги замести следы. Иногда понадобится впускать или выпускать людей, – сам реши, кто будет принимать решение о допуске различного уровня.

– Про твой сухогруз на верфи нейтралов я уже получил информацию. Ты уже всё туда погрузил?

– Закуплено, находится на подвижных платформах и малотоннажных судах. Просто большую часть оборудования я не хочу, чтобы могли связать с сухогрузом и с нами, потому они в последний момент будут догружаться на борт с одноразовых потопляемых или сгораемых в последующем «летучих голландцев». Потому судну еще предстоит путь по океану, а потом и мы к нему присоединимся.

– Сколько человек прибудет с судном?

– В зависимости от степени защиты в пути, нам понадобится сотня-полторы человек. Это основные команды охраны, исследователей и лаборанты, а также солдаты, рекруты, команда судна и стюарды. Не исключена, опять-таки, группа «подопытных», – этих, чем больше, тем лучше.

– Я подумаю и дам тебе ответ в течение двух суток. На сегодня всё. Встретимся здесь же, через двое суток. Если не сможешь сюда прийти, – я оставлю оповещение о своем решении.

В моей голове пропали сразу же все звуки. Я сидел (или стоял, или лежал, – я уже не понимаю, что должен делать человек, чье сознание находится в виде импульса в компьютерной шине) буквально в полной тишине. В голове разлилось ощущение блаженства, – как если у твоих ушей только что выключили громкий длительно орущий ненавистным тяжелым роком репродуктор. Возможно, это вариант «детектора лжи» для Волкова. Уж, не знаю...

На сегодня хватит. Пойду-ка я домой, – а то что-то устал сегодня...

Олег. Клиника. 021. Расширение.

Игла всегда входила в вену каждому из нас, сознание меркло, начиналось погружение, «путешествие»... Но при этом управление этим состоянием было всегда невозможно. И возник ряд вопросов:

1. Можно ли обойтись без иглы и/или перейти на таблетированное введение препарата, – ну или в виде микстуры?
2. Можно ли вообще обойтись без введения препарата?
3. Как задать заранее или в процессе точку, куда надо попасть?
4. Как вообще попадать в одно и то же место целенаправленно, запланировано?
5. Возможен ли возврат «оттуда»?
6. Можно ли «там» запретить кого-то и искусственно не давать выйти?
7. Как сделать так, чтобы во время «путешествия» можно было бы влиять на увиденное и предметы, – непосредственно из собственного иллюзорного тела?
8. Как обойтись без капсул как переносчика сознания?
9. Можно ли перенести свое сознание в другое тело, – как свободное, так и не находящееся в «путешествии»?
10. Можно ли быть сразу в двух и более местах?
11. Как оставаться действующим и не «спящим» в своем теле, способным на мысли и действия, и в то же время находиться «там»?
12. Как своевременно начать, продолжить и остановить процесс нахождения «там»?
13. Как и можно ли пронести в новую реальность приборы, средства фиксации, оружие, предметы?
14. Как вынести из новой реальности то, что мне надо в этой реальности?
15. Можно ли составить что-то типа коммуникационного моста с тем, кто «там» находится, связываться, разговаривать, обмениваться информацией?
16. Можно ли придумать, как перенести не сознание, а собственно наши тела в точку перемещения?
17. Можно ли забрать «туда» того, кто не знает об этом, не готов, не хочет там оказаться?
18. Как попасть в новые места, желательно «под заказ» и незнакомые ранее?
19. Как определять координаты прошлого, настоящего и будущего нахождения «там»?
20. Как найти тех, кто тоже пошел «туда» раньше, вместе или после тебя?
21. Как найти тех, кто тоже пошел «туда» не из нашей лаборатории, и мы о них ничего не знаем?
22. Как оставлять там «маячки» для своих людей, для своего и их повторного посещения и пр.?

Вопросов с каждым перемещением становилось всё больше. Объем работ в связи с этим тоже становился всё больше. Лаборатория, виварий, компьютерные комплексы и сотрудники работали всё больше, все интенсивнее. Мощности наращивались, но вопросов меньше не становилось. Две, а потом и три смены уже не удовлетворяли ни меня, ни моих разработчиков. Виварий разросся, там появлялись все новые и новые виды животных, – спасибо, что слонов и китов еще не потребовали!

Становилось всё больше потребностей для экспериментов с людьми. Не могли же мы все эксперименты проводить на себе, – ни времени, ни наших вен не хватит!... Вставал вопрос

о том, что нам для экспериментов нужны рекрутеры или волонтеры, – в любом случае добровольцы.

– Лейла, ты прочитала мой список?

– Вопросов или потребностей?

– Оба. Мы уперлись в новое узкое место, и нам однозначно надо нарастить мощности и решить кадровые потребности. Мы уже скоро год знакомы, и продвижение вперед замедлилось. Надо что-то предпринимать.

– Вопрос, конечно, интересный. Какие у тебя предложения?

– Для полноты эксперимента и удобства для всех предлагаю организовать и оборудовать новую базу, значительно большей площади, с большим количеством зданий, желателен имеющей свой порт, ЖД-станцию, посадочную полосу, вертолетную площадку и пр.

– Ну, такие базы, на сколько я знаю, есть по всему миру. Настоящие военные или в прошлом военные. Можно поинтересоваться.

– И нам надо много людей для экспериментов.

– Бомжи и заключенные, как я понимаю, тебя не устроят?

– Нет, но не однозначно. Нужны люди с весьма достаточным интеллектом, чтобы понять, принять и использовать полученную от них информацию, и чтобы потом они смогли описать свои наблюдения и ощущения. Ты же понимаешь о чем я! ... Хотя, возможно, бомжи и заключенные на каком-то этапе тоже подойдут. Не стоит терять интеллектуалов для проверки токсичности новых модификаций Z+ и выживаемости после его применения.

– А ты понимаешь, что это будет уже не просто маленькая никому не известная лаборатория в лесу, а целая военно-исследовательская база? Она и на виду, и должна охраняться, маскироваться, обосновываться. Затраты просто лично мне сложно себе представить.

– Затраты не так уж велики. При наличии собственных тренировочных баз наемников, которые у «Тени» есть, – это не проблема. Они же под собственной охраной, обоснованы перед правительствами, прессой и пр. Остается только аккуратно переоборудовать их под наши потребности. Не надо специально что-то строить, – и территорию можно продолжать использовать параллельно исследованиям по своему прямому назначению, т.е. как военные базы. К тому же из числа военных всегда найдутся рекруты и для нас. И бомжей есть, где скрытно содержать...

– Да, конечно, ты же покопался в бухгалтерии «Тени», и теперь знаешь даже географическое расположение их баз. И какую из известных тебе баз ты бы предпочел?

– Оптимальные будут те, что около теплого моря и со своими хорошо развитыми причалами и другими транспортными узлами.

– Морского воздуха захотел для отдыха с русалками?

– А ты не ревнуй. Я сколотил отряд, который пойдет со мной бок о бок в любую дыру. И твоя вакансия открыта у нас всегда, ты же знаешь.

– Ага, легионеры «Золотого Руна»... Пока между собой не передерутся.

– Пока же не передрались. И хватит об этом. Такими базами «Тень» располагает. Кто будет ходатайствовать о переносе работ, ты или я? Кстати, нужны независимые дублирующие исследовательские группы. Для подстраховки в других местах.

– Я буду ходатайствовать как руководитель общего проекта. А дублирующие группы есть, – просто ты об этом не знаешь.

– Это хорошо, что есть, – мысленно я облегченно вздохнул. Хорошо, что проговорилась. Мне бы теперь только найти возможность до них добраться... – Я хочу с ними всеми познакомиться.

– Зачем?

– Для координации исследований. Иначе мы будем еще долго топтаться на одном месте. И мне надо посмотреть результаты работы каждой группы исследователей за прошедший год. Возможно, у них тоже есть какое-то рациональное зерно. Да и с ними поговорить, поработать.

– Не уверена, что это тебе надо. Ты же знаешь, в каком направлении они изначально строили свою работу.

– Знаю, наркотик. Но получили-то ведь они Z! И этот результат был обнаружен и попал на твои глазки почти случайно. И кто знает, сколько еще побочных эффектов они отклонили в своих исследованиях.

– Хорошо, я подумаю и посоветуюсь. Я сама не могу принимать такие решения. Есть еще вопросы?

– Есть. Что ты делаешь сегодня вечером? Поехали в ресторан?

– В тебя давно не стреляли? Или новый красный парик прикупил?

– И не взрывали тоже. Париками запасся. Так как?

– Даже не знаю, что и сказать. Я дам тебе знать. Но ресторан я выберу сама.

– Двумя руками ЗА. Жду сигнала.

Отряд. Личное дело. Александр. 001.

Саше повезло с родителями, – они не только были с ним, когда он рос и мужал, вставал на ноги и пускал корни. Родители были с ним еще долго-долго. Саша построил хороший дом, и родители жили тоже в этом доме. Не так давно старшая дочка, в которой он в ней души не чаял, пошла в школу.

Одноклассники звали его Слива. Почему? Он так и не объяснил этого, – или не хотел объяснять. Слива, – и Слива. Обижался, махал кулаками, – но ничего поделать не мог. Маленького росточка, – последним стоял в ряду на физкультуре, даже после девочек, – что он мог доказать кулаками? Играть в очень модный среди мальчиков в те годы баскетбол его не брали, – смялись даже от одной мысли, что он выйдет на площадку. Вот и сидел всегда на скамейке вдоль стены вместе с Олегом, не принятым в игру тоже, – но из-за его неповоротливости и объема талии. Только Олег и не звал его Сливой, – назвал однажды, обжегся о его взгляд, и больше не звал. Это потом, уже в институте, маленький Слива вырос в высокого и стильного парня, за которым стали увиваться девушки.

Олег правильно рассказывал об их детских увлечениях взрывотехникой и пироманией. Они не могли играть в баскетбол, зато взрывали, сжигали, плавил все, до чего могли дотянуться. Был и такой случай, о котором стоило рассказать особо:

В седьмом классе, когда началось преподавание химии, в класс была назначена новенькая преподаватель, которая только что пришла из вуза. Непонятно, почему она так себя повела, но она сдружилась в классе с отъявленными двоечниками и хулиганами. Они на ее уроках верховодили всем процессом проведения уроков: ходили по классу, отпускали наглые комментарии в адрес отвечающих, рылись в классном журнале, занимались всем, что хотели. Возможно, ей льстили их пошлые комплименты... А, может быть, дело было в том, что отличники меньше говорили, но больше работали, не привлекая к себе внимание, – а хулиганы выставляли себя напоказ и гордились своей удалью и наглостью.

Отличникам и хорошистам это было не интересно, но они оказались под прессом этих «плохишей» и учителя, которая, словно слепо, следовала их советам: ставила двойки и тройки круглым отличникам, писала в дневники записки родителям. Отличники не понимали, что происходит, и потому потеряли время. Все для всех всплыло наружу одновременно, когда были обнародованы итоги первой четверти: тройки и неуды за предмет и поведение вызвали гнев у отличников и хорошистов, их родителей и друзей. За плохие оценки многим, конечно, досталось по мягким частям тела, но сделать уже ничего было нельзя. К директору школы потянулись толпы возмущенных родителей и ходоков, началось расследование «парадокса», – ну не может отличник в одно мгновение беспричинно скатиться в двоечники только по одному предмету. И не один, а всем классом. И при этом «плохиши» резко по тому же одному предмету не могут стать отличниками.

Результатом стало новое поведение учительницы: она резко возлюбила хороших детей и стала плохой для «плохишей». Но никто не учел тот факт, что отличники уже ее люто ненавидели: битые синие задницы и наполовину оторванные опухшие уши долго болели и напоминали им о виновнице их проблем. ТАКОЕ НЕ ПРОЩАЕТСЯ! «Плохиши» тоже возненавидели свою бывшую любимицу за то, что та «переметнулась» на другую сторону баррикад, и стала ставить им заслуженные неуды и ставить их на место, – вольница закончилась. Словом, ее возненавидели сразу все ученики седьмых классов.

И возник заговор. Готовились участники долго, и Саша с другом, в том числе, были в центре подготовки. В результате один вполне обычный рабочий день химички начался с того, что вошедшая в класс учитель была чуть ли не оглушена произошедшим на тряпке у дверей

сильным хлопком, – почти взрывом. Соли некоторых соединений безопасны в мокром виде и легко взрываются от малейшего трения или сдавливания в сухом виде. Достаточно было с вечера налить эту адскую смесь на коврик или тряпку у дверей, и учитель будет утром сильно «удивлен».

Потом класс, в котором книгочеи, читавшие и «Республику ШКИД», и мемуары Макаренко, были в числе разработчиков акта запугивания, просто начал гудеть с закрытыми ртами. Подумав, что над ней банально издеваются, учитель совершила следующий свой опрометчивый поступок, – ожидаемый всеми. Она длинной, почти двухметровой, указкой хлопнула по своему столу. Обычно, это звучало как винтовочный выстрел, и всех подбрасывало в тишине, но в этот раз немедленно вызвало еще одну химическую реакцию на другом краю стола: взрыв смеси белого фосфора с бертолетовой солью. Красивый гриб дыма с грохотом рванулся в потолок. От испуга и неожиданности учитель села со всего размаху на свой стул... Лучше бы она этого не делала. К ножкам стула были приклеены капсулы от охотничьих ружей, позаимствованные у отцов-охотников для святого дела. И их количество, – уж поверьте, – для святого дела не пожалели. Непонятно, как ее не выкинуло прямо в класс, на руки учеников, – просто, наверно, помешал привинченный лабораторный стол перед ней.

И это послужило сигналом к тому, что ученики замкнули все электрические запалы, и в тиглях на столах начали гореть, чадить и взрываться вещества с разноцветными дымами. Никто так и не узнал, кто и какие тигли зарядил самодельными шутихами и петардами собственного изготовления, – в то время еще такого добра в продаже не было.

ВСЕМ СТАЛО СТРАШНО! Все полезли прятаться под столы, потому что класс превратился в ревущее от взрывов и дыма поле боя, пространство с мечущимися петардами и фейерверками.

В результате, весь класс, – стены, потолки, мебель и сами участники, – были разукрашены разноцветными красителями. Следствие по этому делу администрацией школы велось долго, но никто не признался ни в чем: ни отличники, ни хулиганы, – и никто из перепуганных, но довольных девчонок тоже не проговорился. Конечно, вечером родители пытались устроить нам выволочку за испорченную школьную форму, за вызов их с работы в школу, но у нас была железная отговорка: «Я не виноват, я не знаю кто!» Наказать целый класс, ушедший дружно и глухо в «несознанку», с риском, что подобное повторится в других седьмых классах, не решились. Химичка из школы исчезла совсем. А к нам в класс пришел преподавать химию прекрасный мужик-еврей, благодаря которому мы все полюбили этот предмет. А когда нас заставили отмывать стены, потолок и мебель от разноцветных пятен, то на помощь добровольно пришли все остальные седьмые классы, – такого не было никогда за всю историю школы. Вместо чувства вины и раскаяния у всех в глазах были улыбки и радость.

Массовых подрывов такого масштаба у Саши и Олега больше не было. Были и мощные, – но единичные, – варианты. Вся школа знала – по секрету – об их склонностях к пиротехнике, но так никто ни родителям, ни учителям не проговорился.

Потом пути-дорожки Саши и Олега разошлись на долгие годы. Каждый старался строить свою жизнь, свои доходы, свои семьи. Каждый шел своим путем. Но когда понадобились точный анализ ситуации и честный надежный напарник, они встретились снова.

Во время рейда Олега по горам именно Саша, – уже не волею судьбы, а по просьбе самого Олега, – прикрывал его на старте и на финише. Когда Саша выезжал на первые «стрелки» с бандитами, вознамерившимися отнять его собственность, то именно в руках Олега были кнопочки – активаторы детонаторов. Когда надо было внести выкуп за их хорошего друга в плену у «черных», то государство отказалось, открестилось от бойца-пограничника, – и два друга вытрясли из нескольких банкиров нужную сумму. Именно Олег дистанционно стер ком-

прометирующие материалы на Сашу в компьютерах одной иностранной разведки и подчистил записи видеокамер. Чаще всего их выход или уход сопровождались яркими «фейерверками», эффектными и надолго запоминающимися.

Всякое еще, кроме названного выше, было в их совместной истории, – узнают об этих приключениях не скоро. А зачем? Они и сами не знали всего друг о друге, – а зачем? Их деятельность, их достижения и победы никто никогда не связывал друг с другом.

В своих походах, – армейских и бандитских, – Саша уже сознательно опять взял себе кличку Слива. И уже не Саша действовал в горах Афганистана, вытаскивая врачей в составе международной миссии из трудного положения, – а Слива. Не Саша участвовал в разгроме новой сильной несговорчивой группировки бандитов, – а Слива расстреливал плывущих озверевших бандитов из рядов других бандитов на бронекатере из пулемета, предварительно взорвав морской транспорт первых. Это Слива, – а не Саша, – приготовил и подложил странную химическую смесь, которая была безобидной и безопасной, пока не высохла на пороге дома главаря другой группировки, и которая разнесла на кусочки этого главаря, когда он наступил на тряпку около порога дома, выйдя из дома покурить. Не Саня, а Слива закупал разные товары для бандитского картеля, а потом честно получал деньги за их доставку и от получателей, и от поставщиков.

Ходят упорные слухи, что у Сливы есть любые концы у любых торговцев, которые хоть чем-то торгуют: мороженым, лесом, титаном, оружием, авиалайнерами, туристическими услугами, наркотиками, людьми, хлебом, сигаретами, животными... Если ты обратился к Сливе, – то у тебя всё будет, что ты хочешь и за что можешь заплатить. А не заплатить, – опасно для жизни. И для всего твоего бизнеса. Это тоже все знали.

Саша стал вхож в криминальные торговые круги разных стран.

Олег стал широко известен под разными никами в узких кругах малоизвестных хакеров и антихакеров. Чаще, почему-то, криминальными.

Они опять на какое-то время перестали соприкасаться в жизни, но когда Саид вдруг сказал: «Стреляли!», – Абдула из ниоткуда вновь скрытно приблизился к ближайшему бархану.

Олег. Пустыня. 001.

По далеким барханам дорога лежит,
Далеко позади его дом.
Огрызаясь, один по пустыне бежит.
Нервы сжаты в железный ком.

Бежал... Сижу... Прямо на песке... Горячее солнце светит в затылок, спину, нагревает одежду, как доменная печь. Вы когда-то бывали на сталеплавильном заводе? Там люди ходят в толстой брезентовой одежде. Потому что жар от печи такой сильный, что остальные одежды и ткани он просто сжигает, сплавляет, скручивает от жара. Свободная брезентовая одежда, – штаны, куртки, плащи, перчатки, – хоть как-то отгораживают от этого нестерпимого жара, – просто как ограда. Они сами разогреваются до такой степени, что обжигают кожу, если долго стоять недалеко от печи, от путей стекания жидкого металла.

Так и сейчас, здесь, в пустыне, разогревается одежда. Солнце палит нещадно, и потому одежда просто пересушена и раскалена. Пока она не прикасается к коже, – еще терпимо, хотя и жарко. Но когда она начинается прикасаться, – и тем более прилегать, – к коже, то это всё равно, что положить конечность или спину на раскаленную плиту. Штанины, касающиеся голеней, кажутся обжигающими раскаленными трубами, в которые инквизитор поместил ваши ноги. Широкие рукава как будто помещены внутрь гигантского трубопровода, перекачивающего лаву или жидкий металл прямо между тканью рукава и вашим телом, вашей кожей. Кажется, что солнце, светящее в спину, просто прожигает кожу и мышцы спины насквозь до самого позвоночника, ребер, – до самого сердца. Ногти помутнели, пожелтели, как будто покоржились, потрескались... Стали сухими и ломкими.

И создается ощущение, что все твои внутренности сначала кипели и возмущались этим действиям, а потом просто высохли и лежат себе, догорая, внутри своих полостей, сами по себе испуская сухое тепло и потрескивания догорающих угольков. Сама кожа стала как пергамент, пересохший, потрескавшийся на губах, на руках, на ступнях. Кожа, немилосердно зудевшая в первые дни, теперь просто стянулась, как натянутый резиновый гидрокостюм на много размеров меньше, чем тебе надо было одеть, – сдавливая лицо, руки, туловище...

Лапы стерты. Сухая слюна во рту:
Ни воды нет, ни деревца,
Ни арыков нет, ни селений вокруг,
Ни знакомого нет лица!

Во рту – просто высохшая слизистая, от краешек губ до самого горла, глотки, начала трахеи. Делаю рефлекторные попытки «выдоить» из слюнных желез и проглотить хоть капельку слюны, но язык с шуршанием проходит по высушенным деснам, нёбу, зубам... Там, где должны быть по физиологии влажные слизистые поверхности, – везде во рту почти мумифицированные полопавшиеся сухие бархатистые, порой висящие, лохмотьями ткани... Эти лохмотья когда-то различали сладкое и горькое, соленое и кислое, – и теперь только шуршат во рту, который сам собой не понимает, что с ним происходит, и пытается снова и снова «доить» слюнные железы...

Волосы выгорели, как будто испепелились от жара солнца, обесцветились или поседели, – уж и не знаю. Стали тонкими, ломкими, пересохшими, шуршащими. Их стало мало на голове, они практически перестали расти на щеках и подбородке, на шее остались отдельные разроз-

ненные ключья. Они уже не колют руки, когда я к ним прикасаюсь, глажу, – они просто шуршат, заглушая в этот момент звуки вокруг меня...

А звуков-то почти и нет. Хотя нет, – есть звуки у меня в голове. Тяжелые громкие: «Бум! БУМ! Буумм.» Как набат, в моих ушах часто стучит мое сердце. В ушах, в голове, где-то глубоко внутри меня самого. Гонит стусившуюся, как стусенное молоко, как густой мед или патоку мою кровь. По жилам, полупустым жилам. По сосудам, в которых уже почти нет ни воды, ни лимфы, ни крови. Гонит медленно, неотвратно подгоняя меня в поисках влаги, любой жидкости, любой воды. Если ее и нельзя пить, то ее можно хотя бы намазать на одежду и тем самым дать небольшой отдых потовым железам, не так давно испарявшим влагу с моего тела, а теперь тоже работающим вхолостую за отсутствием этой влаги.

Поражает то, что, не смотря на такую сушь, глаза продолжают видеть. Ведь от такого безводного состояния роговица и хрусталик давно должны были помутнеть, высохнуть, потрескаться, – тем самым довершить разрушение организма и довести меня до полной беспомощности. Лежать тогда и просто выть охрипшим горлом, пытаясь выдавить из высохших слезных желез хоть какой-то влаги для глаз, для зрения, для дальнейшего пути.

Слезу уже давно забила пыль.
В груди шершавый шелест каждый вдох.
На завтрак горькая трава полынь,
А вместо ужина – храни вас Бог!

Но глаза видят, хотя и мутно. И хорошо, что могут видеть. Видеть этот песок, этот путь по барханам, это яркое солнце. СОЛНЦЕ... Источник жизни на Земле, – и источник моей гибели в скором времени. Словно дуга электросварки светит в лицо, – светит, просто выжигая всё вокруг не хуже такой электросварки. Многократно облезшие нос, щеки, скулы обтянуты просто потрескавшимися в лохмотьях остатками пересушенной кожи. Сухими и горячими на ощупь... Наверно, горячими, – потому что кожа ладоней, которыми я прикасаюсь к лицу, уже ничего не чувствует, а только шуршит: сухая кожа по сухой коже.

Попытки спрятать лицо под поля армейской панамы ничего не дают. Солнце продолжает светить в лицо отраженным от песка светом, точно так же ослепляющим своим сиянием, испепеляющим своим жаром. Чуть менее испепеляющим и ослепляющим, – но таким же нестерпимым. Идея завязать лицо тряпками от иссушающего и выжигающего солнца хороша сама по себе, но сильно затрудняет дыхание раскаленным сухим воздухом, разреженным, очень бедным кислородом. Или мне кажется, что кислорода так мало из-за высушенных легких и стусившейся крови в сосудах. Горячий воздух поднимается вверх, как струи от костра, меняющие прозрачность и преломление света – привычных свойств воздуха.

Лишь колючки вокруг да сухая трава,
Море пыли и море песка.
В след повернута ящерицы голова,
Да преследует молча тоска.

В голове – словно пыльный туман, сухое марево... Головокружение, слабость, легкая дрожь во всех мышцах. Нет, когда я поднимаю и подношу руку к глазам, то дрожи в руке нет, но ощущение внутренней дрожи продолжается уже непрерывно. Головокружение преследует постоянно, – стоя, сидя, лежа. Но особенно усиливается, когда я поднимаюсь, сажусь из положения лежа, встаю на ноги. Вот тогда есть реальная возможность упасть вновь на землю, потому что головокружение доходит до того, что просто темнеет в глазах и теряется сознание. Недостаточно просто усилия воли, – воля есть, усилие есть, а влаги внутри для их реализации

нет. На фоне слабости во всех внутренне дрожащих мышцах мозг просто приостанавливает свою деятельность и «экран гаснет». После этого не наступает ни «перезагрузка», ни «отключение», – просто немое молчание, пустое бездействие, просто остановка. Приходится преодолевать это состояние медленным подъемом из положения лежа в положение сидя. **ОЧЕНЬ МЕДЛЕННО!** И еще медленнее подниматься на корточки, или на колени, долго сидеть в такой позе, пока восстановится «картинка» перед глазами. Потом еще и еще медленнее выпрямлять ноги, поясницу, спину, грудную клетку, – добиваясь «прямохождения». Конечно, приматы делали это тысячелетиями, – добивались прямохождения, – а у меня на это уходят, может быть, только десятки минут, – но если я поспешу на любом этапе, то опять окажусь без сознания на земле. И опять придется всё начинать сначала. Теряя время и остатки влаги внутри.

Ощущение такое, что изображение передо мной подрагивает, как на экране телевизора с нарушенной кадровой и построчной разверткой. Тошнота была и раньше приступами, а теперь просто не проходит. Рвать желудку нечем, – влаги и содержимого нет ни в нем, ни вообще в организме. Потому рвота в принципе невозможна. Нечем. Просто нечем, – и всё тут.

Просто в сосудах почти не осталось влаги, а потому и крови, которая уже почти не переносит кислород и питание ко всем органам. И страдает больше всего чувствительный к таким состояниям мозг. Не меньше страдают и другие органы. Почки я уже забыл, когда работали и выдавали мочу. Для этой выделительной функции нет ни воды, ни энергии. Думаю, что желудочный сок давно высох, а желчь засохла и потрескалась в желчном пузыре.

Высыхает пот у сведенных скул, -
Марафону длинному виден конец:
Показался на горизонте аул,
И жара спадает. Спасибо, Творец!

Конец? Типа, смерть, да? Нет, дудки! И короткие дудки, и длинные дудки! Я сижу прямо на песке и пересыпаю из руки в руку песок, пытаюсь понять, смогу ли я ловить струю песка, скоординировав для этого работу сразу двух рук одновременно. Песок сначала сыпется больше на землю, его струя промахивается и не попадает из ладони в ладонь. Но от этого зависит, смогу ли я встать на ноги и продолжить путь. Оставаться под палящим солнцем без движения просто нельзя. Это будет смерть. Это переход из полусухого состояния в полностью высохший обтянутый пергаментной кожей скелет, которые я встречал по пути сюда. Это высохшие руки, сжимающие оружие, и ноги, выпадающие из сапог, т.к. ноги уменьшились при полном высыхании в своих размерах. Это заметенные песком открытые мутные глаза, смотрящие уже не на горизонт, а внутрь себя. Это остановившееся навсегда дыхание, замершее сердце, это так и не появившаяся слеза узнавания бывшего однополчанина, так и не добравшегося до спасительной базы вчера или год назад. В пустыне в такой жаре и сухости, высохшие трупы не разлагаются, и потому трудно определить сроки их нахождения тут. Неделю, месяц, год назад... Конечно, если их найдут местные хищники, то они ускорят эти все процессы своими зубами. Но до этого времени только выгоревшие гимнастерки, пересохшая кожа сапог, да потрескавшийся и облупившийся от жары приклад «калаша» будут говорить, что этот человек... Эти люди... Это воинское подразделение...

Песок пересыпается, уже легче попадая в другую ладонь. А это значит, что я смог выждать достаточно времени от подъема из положения лежа в положение сидя, и что мне пора предпринимать следующую попытку: постараться переместиться из положения сидя в положение «на карачках». С последующим таким же медленным разгибанием до положения стоя... Я всё равно дойду до базы!... Я Дойду... Я Обязательно Дойду...

Он выпьет водки. Вымоет глаза.

На лапы стертые наложит чистый бинт.
И будет слушать молча голоса
На языке, что слышать он отвык.

Саша. Корабль. 001.

Саша перечитывал отчеты по закупкам. Дела шли неплохо, жаловаться не приходилось. Деньги от Олега он получил, и получил доступ к нескольким счетам Олега по тем банковским картам, которые ему передали. Но доступ к счетам был не единственным, что он получил с картами.

В современных картах – с чипами – можно сохранять разное количество информации, считать которую можно только при наличии специального оборудования и нужных кодов. Получив от Олега первую карту, он получил только деньги и коды. Получив от него вторую карту, Саша открыл ее на своем «банкомате», а теперь сидел в кресле и думал.

Поставленная задача в свете ее секретности и опасности была очень интересна. И своим размахом тоже. Прочитывая пункты и пунктики, выверенные рукой друга, он мысленно ставил себе «галочки» в разных местах: что кому поручить, что где спросить, куда сгрузить.

Не согласен он был с тем, что напарник привязывался к одному кораблю, и это могло стать опасным для всей операции. Однако, купить и скрытно перегнать в нужные точки два и более кораблей из одних рук просто невозможно. Как ни маскируйся, но проследить источник или информации, или денег можно всегда, – и не Олегу или Саше доказывать обратное.

Список оборудования ничего особенного не представлял. Даже идея погрузки в разных местах ничего нового не представляла. Если делать это в закрытых портах или доках, – есть всегда чужие глаза и уши. Если делать это в открытом море или около пустынных островов, то всегда есть спутники-разведчики и дроны слежения. «Всемирная паутина» тоже стала такой «тонкой» и повсеместной, что от нее стало очень трудно утаить какие-либо перемещения людей и грузов.

Конечный пункт следования корабля не был указан, – и правильно. Не надо даже и регион, и материк указывать. Как бы не был странным и неожиданным для всех канал передачи информации через банковские карточки, в любом случае надо опасаться утечки информации. Достигнуть любой точки на планете не проблема, – ни друзьям, ни врагам.

Остается еще одно «узкое место» в плане, – пересадка и погрузка людей. Если делать это на пирсе военной базы, как предлагает Олег, то наемники бандитского толка могут и не быть проблемой, но спутники, «паутина» и дроны все равно остаются.

Саша отошел от рабочего стола и сел в кресло перед телевизором. Он включал его тогда, когда надо было сосредоточиться и подумать без лишних помех. Еще в студенческие годы, когда он жил сначала на частной квартире, а потом в общежитии, он научился слушать, видеть и думать в самой шумной компании и в непригодном помещении даже лучше, чем в полной тишине. Эта привычка осталась и в последующей жизни, часто выручая его. Если рядом звучали громкие звуки, то он лучше думал, – особенно если это были звуки стреляющего станкового пулемета или рев взлетающего истребителя.

Он вспомнил, как Олег просил показать фото Сашиной дочки, но по причине конспирации они не могли себе это позволить. Для всего будет достаточно времени в будущем... Да... В будущем... Когда еще, наконец-то, это будущее для них наступит? Они уже много лет так вот отмахиваются на будущее. Посидеть за столом с простым самогоном и бочковыми грибочками в кругу семьи. Сходить вместе вдвоем на охоту или рыбалку, встретить зорю в тишине лесного озера под долгие и тягучие разговоры и воспоминания. Набрать в подвале из бочек домашнего вина и пить его с домашним лесным медом вместо закуски сутки напролет. Подбрасывать в руках своих маленьких деток и ловить их с хохотом и умилением. Просто просыпаться ночью

или утром и не прислушиваться с закрытыми глазами, – нет ли опасности вокруг тебя. Когда еще, наконец-то, это будущее для них наступит?

Раньше можно было позвонить, прийти в гости, стоять на балконе и говорить, говорить, говорить... Неважно о чем, – главное, что говорили друг с другом, слушали друг друга, хватали за локти и плечи, перебивали, смеялись. Говорили, говорили, говорили... И никогда не боялись, что услышат, что прослушают... Это время ушло, наверно, навсегда. И с каждым годом уходит всё дальше и дальше.

Жизнь вокруг стала какая-то нервная, издерганная. Все бегут, торопятся, стараются толкнуть локтем, поддать коленом, сбить с ног, затоптать. Никто никого не слушает и не слышит. И не хочет слышать. Отцы перестают слышать сыновей, матери не слушают дочерей, мужья своих жен, – и, наоборот, в любой комбинации и последовательности... И это самые родные люди! Что же говорить о чужих людях? А если и слушают, то не с целью понять, а с целью только ответить. Даже не запоминая, что у них спросили, и что они ответили...

Мы стали отгораживаться уже не усталостью и занятостью, а гаджетами и отсутствием интереса друг к другу. Вопрос – ответ, ответ – вопрос, – и так по кругу. Опросы, социальные исследования, тестирования, блиц-ринги, игры знатоков и интеллектуалов, политиков, диктаторов, выборы и импичменты... – и тоже самое: вопрос – ответ, ответ – вопрос, – и снова всё по заранее начертанному кругу. И никому не интересно на столько, чтобы вникнуть в суть вопроса меньше, чем в суть самого процесса. Процесса, куда катится вся эта байда под названием общество человека, столь воспетое в прошлые века.

Мы смотрим фильмы и читаем чьи-то работы, чтобы их оценить по несколько бальной шкале – и забыть навсегда, пока не придется с этим фильмом или работой снова столкнуться. И тогда наступает состояние узнавания, – кусками, фрагментами, без связи с началом и концом, – как просто жвачку жуем для глаз или для ушей. Иногда уже завтра, после просмотра или прочтения, не можем вспомнить не только текст книги и героев фильма, но и вообще общее – нет, не содержание – направление этого произведения.

Мы слушаем песни без понимания слов, песни, без смысла этих слов, под жуткую какофонию звуков, именуемых музыкой без созвучия и гармонии. Стихи песен стали без смысла и необходимости, написанных без полета и вдохновения. Крики искусственно продвинутых певцов, комментаторов, политиков, правителей мы принимаем за песни, речи, отчеты, – и не слышим в них смысла, и нет в них изюминки.

Мы едим пищу не для наслаждения пищей, а для питания своего организма, пополняя его необходимым количеством белков, жиров, углеводов, витаминов и минералов. Лакомимся вкусовыми добавками и усилителями вкуса. В одной тарелке, – и тем более в желудке, – мы смешиваем невообразимое количество вкусовых дисбалансов, химических и бактериальных несовместимостей, фармакологических препаратов и усилителей вкуса. Мы не думаем о качестве, – а только о насыщении.

Мы нюхаем цветы, которые прямо при нас опрыскивают ароматами продавцы. Они стоят в вазах иногда долго, иногда совсем не стоят, – и мы удивляемся и тому, и другому. Но про искусственность их аромата вспоминаем в последнюю очередь.

От грустных раздумий Сашу отвлек звук вызова компьютера. Скайп... Опять канал связи. Как они надоели, – как он от них уже устал...

На нежно голубом поле стояли географические координаты его дома, ниже координаты ближайшего железнодорожного вокзала, еще ниже номер ячейки камеры хранения. Дальше шла надпись: «Пароль ты знаешь».

Враги-018. Красная ртуть .

– ... А вы знаете, – в глазах Лайнела горел восторженный огонек. – Мои умники готовятся наладить, наконец-то, устойчивое производство «красной ртути».

Примечание автора:

Красная ртуть, Red Mercury 20/20 (RM-20/20), Compound-20/20 или многофункциональный катализатор – вещество, одна из последних военных разработок СССР. Это вещество обладает, помимо всего прочего, большой плотностью (20 г/см³), температурой замерзания в –150 °С, токсичностью на уровне цианистого калия, и радиоактивностью, используется в «детонаторе термоядерной бомбы», в гаусс-пушках, в «сверхмощных военных лазерах».

«Появилось понятие «красной ртути» еще во времена СССР. Свойства красной ртути: токсичность, радиоактивность, плотность почти 20 – нет ни одного соединения ртути, которое бы обладало всеми этими свойствами. Александр Кукса».

В книге «Косово поле. Россия» Дмитрий Черкасов утверждает, что «красная ртуть» – жаргонное название оружейного плутония. В эти противозаконные коммерческие действия были вовлечены высокопоставленные государственные чиновники и организованные преступные сообщества, безжалостно убивавшие всех свидетелей, потому достоверной информации практически нет.

Угрозы применения:

О наличии «красной ртути» и намерениях её применить в 2001 году заявлял Шамиль Басаев, но откуда она к нему попала и куда делась, так и осталось тайной: «У меня для борьбы с федералами есть ядерное оружие, в том числе и «красная ртуть».»

– Не смешите мои копытца, Лайнел! – Ясив громко расхохотался и махнул рукой. – Вы даже представить себе не можете, сколько людей в 80-е – 90-е годы пытались сбывать мне это название. Заметьте: «название», – а не само вещество. Под пытками они потом признавались, что были или перекупщиками-посредниками, или просто мошенниками.

– Да, нет, же. Есть, оно есть! Только технология его получения была или утеряна, или хорошо спрятана. Как и лазеры против брони, как и процессор, о котором мы говорили...

– И сколько килограмм Ваши умники уже нам предложили?

– Да, пока мизер. Это количество пока даже не годится для лабораторных испытаний, но есть его следы на приборах, которые неоспоримо подтверждают существование...

– Я же говорю, авантюристы, – перебил Лайнела Сеон. – А что, господа? В нашем тесном коллективе последнее время стало появляться множество ничем и никем не подтвержденных призрачных идей.

– Огласите весь список, пожалуйста, – Лайнел отставил бокал на столик. – Мы давно не развлекались вместе, так Вы нас хоть так развлеките, своим рассказом и анализом.

– Ну, вот смотрите. Ясив принес информацию о том, что Лапанлия не исчезла, а осталась цела и невредима. Только замаскирована. Заметьте, информация только в его мозгу, – и ничем не подтвержденная. У меня появились просто невероятные проблемы и комбинации с банковскими счетами, акциями, переводами, о которых я рассказывал, – а вы посмеялись. Так же нет ничего достоверного, но и нет опровержения. Больше всех над нами смеялся именно Лайнел, хотя и сам рассказывал о каких-то толи лазерах, толи сверхмощных резаках. Но вот и

он сегодня приносит нам информацию, – заметьте, тоже ничем не подтвержденную, – о «красной ртути». Скажите, Лайнел, нам можно начинать смеяться?

– Но если не верить своим же разработчикам, то тогда... – начал Лайнел.

– ... Тогда можно сказать, что и наша Клиника занимается черт знает чем, и тратит деньги непонятно на что, – перебил его Сеон. – Кстати, Ясив, как там продвигаются дела? Что слышно про Вашу Лапанлию, про красоты и секреты острова в океане, который не видят даже щупы спутников?

– Мы работаем над этим. А что слышно за ваши счета в банках? Всё так же из ниоткуда появляются и исчезают деньги? А титан не вернулся? – Ясив был явно недоволен таким тоном Сеона.

– Господа, господа! – Лайнел развернулся к собеседникам всем телом, бросив разглядывать футбольное поле на экране телевизора на всю стену. – Мы договаривались когда-то не совершать никаких грубых и оскорбительных действий и высказываний в адрес друг друга. Это нерентабельно, – нам воевать между собой. И ссориться, – замечу, – тоже. Ну что тут такого страшного, если у каждого из нас есть своя толи мечта, толи игрушка? Эти игрушки ведь нам приносят приятные моменты...

– Какие игрушки? Вы о чем?

– Ну как же?... Вот возятся умники Ясива с каким-то выходцем из «конторы», а мы следим за ними в окно аквариума, в который их поместили. Так ведь Ясив еще и хозяйку Клиники... Молчу, молчу, простите, – улыбнулся Лайнел на взгляд Ясива. И продолжил, переведя взгляд на Сеона, – А Вы, уважаемый друг, трясете ревизиями столько банков по всей земле, что от этого в среде банкиров уже даже надоели всем. О вас и ваших действиях просто даже перестали судачить и крутить пальцем у виска. Чаше показывают средний палец в воздухе или фигу в кармане, но это нам привычно. И опять мы смотрим с высоты в этот аквариум, и опять мы их только подкармливаем, подсыпая сухие дафнии. И любимся этими нашими «рыбками»... Так почему бы мне тоже не поиграть «красной ртутью»?

– А Вы понимаете, что это вещество очень опасно? Оно по слухам может привести даже к масштабному мировому катаклизму! – Сеон тоже отвернулся от экрана, пока говорил Лайнел.

– Значит, боясь катаклизма, Вы подтверждаете хотя бы мизерное подозрение, что Советам удалось синтезировать это вещество, и что это хотя бы теоретически возможно?

– У меня нет ответа пока. Я его не видел.

– Но оно не менее опасно, чем те боеприпасы, которые детонировали на Лапанлии, и чуть не привели тоже к глобальной катастрофе. Предполагаю, что это тоже была лишь мизерная доля имеющегося запаса, и в случае обнаружения Ясивом более значительных складов, мы тоже приблизим мир к вселенской катастрофе. Или я что-то неправильно понимаю?

– Да правильно, правильно, – Ясив потянулся в кресле. Он давно внимательно и с улыбкой смотрел на говоривших. Всё равно удовольствие от матча, который они смотрели, отошло на задний план, и значительно больший интерес стала приобретать беседа. Не так чтобы очень информативно, но развлекательно. – Я бы даже предложил поспорить на каждый упомянутый пункт сегодняшнего разговора, но я не знаю даже, что было бы адекватной ставкой при таких пари. ЧТО можно поставить на уничтожение Земли против разрушения планеты? И как получить потом свой выигрыш у проигравшего?

– А удовлетворение от совместной мучительной смерти – для Вас не будет ставкой? – собеседники улыбались шутке...

Олег. Музыка. 001.

Время остановилось. Музыка всегда считалось искусством, – но динамичным.

Музыка – это вид искусства, рассчитанный на слуховое восприятие и отличающийся прямым и особо активным действием на чувства людей. Л. Н. Толстой говорил, например, что музыкальное искусство "по своему свойству имеет непосредственно физиологическое воздействие на нервы".

Главным выразительным средством здесь является звук и другие стороны и компоненты музыкальной формы: мелодия, полифония, гармония, ритм, композиция и т.п. В отличие от всех видов изобразительного и словесного искусств, музыка не воспроизводит привычных видимых картин мира и лишена смысловой конкретности. Видимо, поэтому ее можно считать подлинно общечеловеческим, универсальным "языком", не требующим перевода.

Божественная музыка, восхитительные движения,
Па-де-де, па, па-де-труа,
Волшебное звучание, приглушенное освещение, -
А потом прогулка по городу до утра...

По сравнению с произведениями всех видов пространственных искусств музыкальные творения практически не уничтожаемы, ибо, если не считать их далеко не обязательной нотной записи, они существуют не в материальной, предметной, а в идеальной форме. Их нельзя пощупать, подделать, как это случается с картинами и скульптурами, хотя и можно украсть, дав свое авторство чужому произведению.

Колонны в золоте, статуи страсти, -
Поистине императорский дворец...
Женщина рядом в вечернем платье,
И улыбающийся с иконы Творец...

Картины, дворцы и скульптуры. Можно стоять и бездумно впитывать их содержание и образы, с ними ассоциируемые, потом отойти в сторону, чтобы вернуться спустя любое время и опять впитывать это в себя. В отличие от изобразительного – «ЗАСТЫВШЕГО», замершего – искусства, упущенный звук или музыкальная фраза в музыке не остается в нашем поле восприятия и уходит мимо нас. Она может быть повторена исполнителем, – но никогда не станет такой же точно, как упущенная даже несколько мгновений назад. Она будет другой, – потому что исполнитель и мы уже даже через мгновение станем другими...

Дирижерская палочка в непрерывном движении,
Цветы для примы, реверансы, поклоны...
И скольжения души в изнеможении от освобождения
Огибают в полете колонну за колонной.

Музыка, – это резонанс частот играющих инструментов и наших электрофизиологических импульсов по всему телу с нашими мыслями и желаниями. По волнам своих ощущений, по своим иллюзорным желаниям мы уносимся в глубины или на вершины того, к чему ранее стремились или чего всегда сторонились.

Растворяюсь в музыке, в наблюдаемых движениях...
Сжимаю программу в потном кулаке...
Изнеможение, погружение, освобождение, восхищение, -
Отделяюсь от тела, парю на потолке...

Мое тело было просто вне времени и пространства. Вне чего-то земного и материального. Я парил внутри нотного ряда, звуковой гаммы над оркестровой ямой или под куполом императорского театра... Золото звуков смешивалось с золотом ощущений, с серебром ожиданий, с бриллиантами удовольствия.

Я уношусь ввысь, и, в то же время, остаюсь в зале, кресле, в стенах театра...

Перед глазами проносятся танцовщики и танцовщицы в белых пачках, взлетающие в прыжках и приседающие или падающие согласно задумке режиссера. Балет... П. И. Чайковский... «Лебединое озеро»...

Плыву по волнам танца и счастья,
Погружаюсь в сплетение холода и огня...
А женщина, улыбающаяся в вечернем платье,
Почти непрерывно фотографирует меня.

Сегодня мой «полет» я решил провести в императорском дворце, – в театре оперы и балета. В памяти невозможно стереть поход с отцом во Дворец Съездов, когда я впервые увидел это произведение и, вцепившись в руку отца, не отрывал замороженных глаз от сцены. Потом, когда вернулся с Войны, я сидел в полевой форме в центре зала с любимой женщиной, она держала меня за руку, и я плакал под звуки этой божественной музыки, стеснительно скрывая свои слезы.

И, кажется, что нет войны, бортов, разрывов снарядов,
Нет звездочек и седины висков капитана:
И держит меня за руку папа, сидящий рядом,
И улыбается сидящая рядом мама...

Раз уж я не могу проехать сквозь чужие земли и границы на обычном транспорте, я решил перенестись туда с помощью Z+. Сегодня в любимом Одесском Театре Оперы и Балета исполняют мою любимую музыку, памятную и дорогую мне. И я лег в капсулу с диким желанием присутствовать там, а не на Острове. Оказалось, что наши «путешествия» могут проходить не только в «горизонтальной», пространственной плоскости, – но и в «вертикальном», временном измерении. Пространство и время стали досягаемы тому, кто принял вновь модифицированный Z+! Я сидел в зале с любимой, вновь обретенной женщиной, воспетой мной когда-то в огромном количестве моих стихов! Я находился тогда еще в состоянии шока от перенесенных мной потрясений войны, в которой участвовал, из которой только что приехал. От потерь, которые все эти войны мне принесли. И плакал под препаратом такими большими слезами, что мои медики-экспериментаторы поспешили привести меня в чувство и «выудили» из капсулы. Но я продолжал плакать, – и ничего не мог с собой поделаться, – так сильны были эти чувства, возрожденные впитавшейся в меня музыкой. И теперь выплеснувшись наружу от напряжения последних пережитых месяцев работы и жизни. Как бы переполнивших меня через край...

Потом, в тот год, как в другой жизни, Саша писал мне в «Одноклассниках» под моим фото в театре, что типа настоящие офицеры одевают в Оперу парадную форму, а не полевую... Что существует определенный этикет для таких дней и событий... Я удержался, чтобы

не написать в ответ резкостей, – я не хотел ничего говорить в ответ. Я знал об этом этикете, но бежать искать парадную форму напрокат я не хотел, да и не было времени. И к тому же, эта, застиранная в некоторых местах, полевая форма была мне и роднее, и дороже самых красивых аксельбантов. И женщина рядом со мной понимала это и принимала меня таким, какой я был в этот момент.

Божественная музыка, восхитительные движения,
Па-де-де, па, па-де-трау,
Волшебное звучание, приглушенное освещение, -
А потом прогулка по городу до утра...

Враги-016. Гадалка.

– Дай погадаю тебе, Красавица. Всю правду скажу, ничего не утаю. О судьбе твоей, о прошлом и будущем, о суженом-ряженом, о печали и ошибках, – всё скажу.

– **Ой, да что ты, гадалка, мне сказать сможешь? Я всё знаю о себе.**

– Ой, да не просто так вы этот вопрос задали, многоуважаемая Лейла, вас что-то тревожит? Семья, здоровье, работа? Дайте-ка мне свою руку.

– **Да все, вроде, в порядке.**

– Все – да не все. Вот смотрите: на пальце Сатурна контур у вас не очень хороший. Значит, есть сложности. Вероятно, есть задумка, но на пути ее воплощения препятствия. Не иначе кто-то черный покусился, мешают. Ну вот, конечно: линия фортуны показывает проблемы...

В голове исподволь проносится: есть одна идея, но вот идет она слишком тяжело... За тем, что говорит гадалка, еле успеваю следить, только киваю головой на ее почти всегда утвердительные и почти неоспоримые фразы.

– Суженый твой, ой, пройдоха. По краю ходить любит, по самому краешку... Дунет ветер, – и сорвется, и тебя с собой утащить может.

– **Да все, вроде, в порядке. Суженый мой рядом, сидит и не тужит...**

– Неправду говоришь, Красавица. Это не суженый с тобой рядом. Это ты его избранница, наложница. Суженый далеко, в яйце сидит, иглу в себе носит...

– **Да все, вроде, в порядке. Нет ни у кого внутри иглы. Нет и разлада у нас...**

– Ты себя обманываешь, а меня обмануть не сможешь, Красавица. Тот человек, – и не человек вовсе, – как орел поднебесный, – свободен и обогрен кровью невинных. Он кровью питается и тебя заставляет это делать в казенном доме.

– **Да нет никакого казенного дома, цыганка. Я в своих домах живу...**

– Нет у тебя своих домов, – пыль это, мираж. Ты поверила в чужую сказку, вошла в чужую сказку, и тебе удобно жить в чужой сказке. Но появится солнце на небе, поднимется ветер, – и развеют песчаные дворцы, растают ледяные стены.

– **Да нет же! Я свой мир хочу построить...**

– Нет у тебя своего мира. Ты от него отказываешься, как и от избранника судьбы, судьбе сопротивляешься. Отдайся волнам, которые готовы тебя унести в лучший мир. Отдайся ветру, который поднимет и надует новый парус над волнами. Отдайся мужчине, который сделает тебя сильной и защитит твою кровь. Не бери от него дара телесного, – прими от него новую жизнь и неси ее всю свою жизнь. Не проси камня яркого, – проси мира в душе и мира вокруг тебя. Не давай искры ему, – дари домашний огонь и грейся в пламени души его.

– **Да нет же! Нет! У меня всё в порядке. Я...**

– Смотри, милая! Линия Венеры ведет ко Льву, а Сатурн ей препятствует. Длинный путь Юпитеру можно ускорить по Млечному шляху. А новый мир откроется за границей твоего познания, в новом знании, в новом теле, в новой силе.

– **Непонятно ты говоришь, Цыганка. Я ничего не поняла.**

– А что тут понимать? Ждет тебя дальняя дорога, но не сразу, а через трудности и преграды. Но выбор пути за тобой, – ты можешь изменить всё к лучшему, а можешь остаться в неведении своих возможностей.

– **А кто мой суженый-ряженный? Можешь сказать? Или это тоже скрыто в тумане?**

– Да нет, ничего для меня не скрыто, – твой суженый-ряженный только твоего выбора ждет. Он рядом и далеко одновременно. И ты от него близко и далеко разом со своими недругами. Только недруги тебе дороже сейчас, чем ближний свет твоих очей. Не то ты бережешь, не тех слушаешь, не ко времени бежишь по не благодатному пути.

– **Так куда же мне бежать? К кому склониться? Что делать?**

– А зачем бежать? Зачем страдать? Ты остановись, перестань суетиться. Тебе не надо склоняться, – ты и так по жизни склоненная. У тебя всё будет, – тебе только надо встать, распрямить стать твою прекрасную и согласиться со своим суженым-ряженным. Ведь ты не хочешь его видеть, – ты в упор его и не видишь. А он стеснителен, застенчив, добр, – и к тебе добрым будет всегда.

– **Как встать? Куда встать? Куда смотреть?**

– Ты много вопросов задаешь, Красавица, – тебе дело делать надо, а не вопросами себя мучить.

– **Не хочу я перемен, цыганка. Не хочу.**

– А от тебя, милая, ничего и не зависит. Будут перемены, обязательно будут. Ты только путь свой выбери, куда и с кем пойдешь, – а перемены сами тебя найдут. Путь тебе новый предстоит. Дальняя дорога тебя ждет, очень дальняя.

– **Много брешешь, цыганка. С пути меня сбиваешь. Смуту во мне сеешь.**

– Не смута это, Лейла. Правда, это, Красавица.

– **Имя мое, откуда знаешь, цыганка? Кто послал тебя?**

– А на лице твоём имя написано. На судьбе твоей посланник твой написан. А я ни ему, ни тебе не служу, и никому служить не буду. Хочешь, на картах, хочешь, на костях кину, больше скажу. Ты только ручку позолоти мне, – я и о детках твоих правду открою, и об упокоенных прошлое расскажу.

– **Нет у меня упокоенных. Брешешь ты.**

– А батюшка твой разве жив? Матери твоей долгие лета желаю, а за батюшку твоего грусть-тоска горькая тебя съедает. И за младенца, убиенного в утробе ты скорбишь, – разве не так?

– **Пошла вон, цыганка! Ничего больше не говори, – и так наплела с целый короб...**

– Правду сказала, милая. Правду. Ты приходи, когда поймешь, что правду говорю, приходи. И не гони меня, – сама уйду. Не навсегда уйду, – на время уйду. Ты подумай, подумай. Я близко буду, – только позови, и я приду. Ждать тебя буду, милая, ждать буду... Как суженый-ряженный твой ждет, так и я ждать буду... Позолоти мне ручку на прощание, – всё ждать легче тебя будет... Спасибо милая, спасибо! Пусть щедрость твоя озарит тебе твой путь ярким светом его души. Пусть постель твою согреет горячим дыханием и телом его. Пусть...

– **Молчи, цыганка! Хватит! Уходи...**

– Запомни, Красавица, любовь нельзя оставлять на потом, иначе она может пролететь мимо. Люби сегодня, – а остальное можно делать в старости...

Олег + Саша. 001. Старый мир.

– А почему «Слива»?

– А почему «Гендос»?

Детская память не сохранила в памяти причины возникновения их детских кличек. «Слива» – потому, что в первом классе во время знакомства Саша держал в руке кулек со сливами, а т.к. в классе чуть не половина мальчиков была Сашками, его для уточнения назвали почти сразу «Слива», да так и осталось это навсегда.

С «Гендосом» было и проще, и сложнее. Еще до школы во дворе толстого и неповоротливого Олега называли «Паровоз», потом обидно старались дразнить «Гендос-Паровоз», но выговаривать каждый раз такое длинное словосочетание было влом, и осталось только «Гендос», – коротко, обидно и доходчиво. Кличек было за время детства и за школьные годы большое множество, но именно эта кличка осталась, как выяснилось, только в памяти Саши.

Длительно живущие детские клички стали радиопозывными. И это было удобно. Во-первых, на случай опознания противником, связать клички с реальными именами было невозможно. Во-вторых, они уже и так полжизни на них откликались, потому, когда в треске и шипении радиоэфира звучит старый детский позывной, то идентифицируешь его и откликаешься быстрее.

Вот и сейчас, Олег и Саша полулежали на теплых обломках скал, грелись на утреннем солнце и смотрели в небо.

– А почему же «Слива»?

– А почему же «Гендос»?

Странно сложились их жизни. Родились они на закате «холодной войны», во время боев в дружественном Афганистане. Закончили вузы, – благодаря финансовой помощи и моральной поддержке родителей, – и собственной трудоспособности. Но заканчивать школу пришлось в годы тяжелого экономического кризиса, становления и разгула в стране «дикой» неорганизованной и зарождения организованной преступности. Растить и мужать в годы массовой ломки стереотипов огромного народа и тотальной безработицы. Приобретать общественное и социальное сознание на заре зарождения компьютерной среды и социальных сетей. Искать друг друга уже тоже пришлось не по письмам в адресные столы, а по еще не защищенным базам данных: в те веселые для них и страшные для их родителей годы, обновленные городские справочники только ленивые покупали на контрафактных дисках на рынке, а продвинутые юзеры брали бесплатно в сетях. И не только телефонные справочники. В сетях лежали базы паспортных столов, МВД, КГБ, других силовых и информационных организаций разной степени закрытости.

Но, не зная друг о друге после школы почти ничего, они всё же нашли друг друга.

– Сань! А ты помнишь... – Олег! А ты знал?... – так началась их первая после долгих лет расставания встреча. Они сидели в старом, еще с советских времен, подвальчике за кувшином прохладного полусладкого натурального вина и вспоминали свои детские приключения, свой класс, поврежденный пиджак, «взорванный» кинескоп, «Корвалол»... Они вспоминали своих одноклассников, рассказывали друг другу о своих студенческих годах, родителях, планах на будущее... В темном подвальчике не было окон, – только извитая резкими поворотами лесенка и дверь на улицу. И они не замечали, как день подошел к концу, наступил вечер, потом ночь... Не заметили группу завсегдаев подвальчика, которым были нужны новые приключения и острые ощущения, – а потому странная парочка в углу забегаловки привлекла их внимание. «Привет, гомики!» – прозвучало за спиной старых друзей. Высокий рослый Слива и могучий Гендос обернулись, но их тяжелый взгляд никто не заметил, или не захотели заметить. «Слива,

справа. – Гендос, дальнего». И только тогда, когда тяжелые табуреты, наконец-то, перестали самостоятельно передвигаться по воздуху между опрокинутыми еще более тяжелыми столами, из-под прилавка вылез продавец вина и сказал, что выпитое ими вино – за счет заведения. Потому в кабачок вошли Слава и Олег, а вышли впервые по своему собственному осознанному решению Слива и Гендос. Четыре слова («Слива, справа. – Гендос, дальнего») определили многое на последующие годы. И подтвердили детскую дружбу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.